УДК 94(47)
DOI: https://doi.org/10.17308/history/1995-5480/2026/2/56-61

ВОРОНЕЖСКИЕ СТРЕЛЬЦЫ В XVII ВЕКЕ: ОСОБЕННОСТИ СЛУЖБЫ

В. Н. Глазьев

Воронежский государственный университет

VORONEZH STRELTSY IN THE 17TH CENTURY: FEATURES OF THE SERVICE

V. N. Glazjev

Voronezh State University

Аннотация: *после основания города Воронежа в 1585/86 г. одной из групп его военизированного населения стали стрельцы, которые несли пешую службу с ручным огнестрельным оружием. Их основной обязанностью была защита города от нападений неприятеля. Попытки усилить боеспособность стрельцов для привлечения к полковой службе не имели успеха, так как не сопровождались укреплением их материального положения. На протяжении XVII столетия основной формой обеспечения воронежских стрельцов являлось земельное жалование.*
Ключевые слова: *Россия, XVII век, Воронеж, служилые люди, стрельцы.*

Abstract: *after the founding of the city of Voronezh in 1585/86, Streltsy became one of the groups of its paramilitary population, who served on foot with handguns. Their main duty was to protect the city from enemy attacks. Attempts to strengthen the combat capability of the riflemen to attract them to the regimental service were unsuccessful, as they were not accompanied by a strengthening of their financial situation. During the 17th century, the main form of provision for Voronezh streltsy was a land salary.*
Key words: *Russia, XVII century, Voronezh, military men, streltsy.*

Стрельцы – одна из социальных групп, входящих в состав служилых людей «по прибору» наряду с городовыми казаками, пушкарями и затинщиками. Термин «служилые люди по прибору» не встречается в источниках XVI–XVII вв.: в документах они именуются просто «служилыми людьми». Определением «приборные» историки подчеркивают особый характер их приема на службу – «прибора» из тяглых людей и из «гулящих людей», что отличало их от служилых «по отчеству» [1, с. 432].

Типологический признак российских стрельцов – специализация на использовании ручного огнестрельного оружия и преимущественно пешая служба (конные стрельцы как особая категория встречались редко). В зависимости от региона и от города служба стрельцов имела особенности. Своеобразие определялось географическим положением, военно-политической обстановкой, формами государственного обеспечения стрельцов.

В исторической литературе последних лет рассматривались вопросы прибора в стрельцы, их служба, участие в военных действиях, материальное обеспечение применительно к отдельным историческим периодам и городам. Объектами исследований стали стрельцы г. Колы [2, с. 5–17], Терского города [3, с. 1–13], Козьмодемьянска [4, с. 29–35], приборные служилые люди Саратова [5, с. 232–241], Данкова [6, с. 25–30], Саранска [7, с. 182–213], Смоленска [8, с. 321–369].

В этой связи заслуживают изучения особенности службы стрельцов Воронежа – основанного в 1585/86 г. города-крепости на южной окраине России. В жизни воронежских стрельцов отразились все основные события, происходившие на юге России с конца XVI до начала XVIII в. Военно-политическая обстановка оказывала заметное влияние на служебные обязанности стрельцов. Изменение характера и объема воинских обязанностей стрельцов оказывало

© Глазьев В. Н., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

прямое воздействие на уровень их материального благосостояния.

Воинские обязанности воронежских стрельцов по сравнению с их «братией» в других регионах страны имели своеобразие. Их специфику определяла форма государственного обеспечения. Если стрельцы, получавшие денежное и хлебное жалование, систематически ходили в походы и принимали участие в боевых действиях, то воронежские стрельцы, наделенные землей в качестве «государева жалования», предназначались только для гарнизонной службы. Денежные выплаты воронежским стрельцам производились эпизодически как компенсация их расходов.

К традиционной городовой службе воронежских стрельцов относились караулы и различные посылки. Несение караулов являлось одной из распространенных обязанностей этой группы служилых людей. Условия пограничного региона диктовали необходимость постоянной охраны наиболее важных объектов в городе и уезде. Стрельцы выставлялись у крепостных ворот, съезжей избы, складов оружия, боеприпасов и продовольствия. Часто они несли службу на расположенных близко от города сторожах, засеках, переправах [см., например: 9, с. 403]. Другой традиционной функцией воронежских стрельцов была посылка в уезд для оповещения служилых людей и гражданского населения о военной опасности. Обычно стрельцов, казаков, пушкарей выделяли должностным лицам в качестве сопровождения при сборе налогов, поиске и аресте преступников, изъятии незаконных товаров [10, л. 205–206; 11, л. 43; 12, л. 8, 16; 13, л. 1; 14, л. 1; 15, л. 5–8].

Но помимо традиционных, воронежские стрельцы выполняли различные задачи, продиктованные военно-политической обстановкой того или иного исторического периода. Одно из первых изменений обычного порядка службы стрельцов в двух городах на Поле – Воронеже и Ельце – относится к началу XVII в. Осенью 1604 г. в связи с нашествием Лжедмитрия I в действующую правительственную армию были направлены 100 воронежских и 100 елецких стрельцов [16, с. 34]. Для того чтобы разбить самозванца в решающем сражении, правительство Бориса Годунова пошло на чрезвычайную меру – ослабило гарнизоны двух южнорусских крепостей.

После Смуты возобновилась традиционная служба воронежских стрельцов. Согласно челобитной воронежских стрельцов и городовых казаков, датированной 1624 г., они несли «городовую, низовую и турецкую службу», выполняли «городовую, острожную и струговую поделку, платили натуральный налог – десятинный хлеб» [17, с. 618].

«Низовая и турецкая» служба состояла в сопровождении хлебных отпусков русского правительства «на низ» для донских казаков, а также из охраны русских и турецких послов в пути до Азова и обратно. В 1628 г., например, в состав сопровождения турецкого посла до Азова входило 50 лебедянских, 50 елецких, 50 ливенских и 100 воронежских стрельцов и казаков [18, стб. 978]. В 1632 г. в донской посылке находилось 270 воронежских стрельцов и казаков [19, с. 70]. В 1633 г. воронежские стрельцы и казаки провожали русского и турецкого послов до Азова зимой конным путем. В 1634 г. они встречали в Азове и провожали до Воронежа тех же послов [20, л. 187–188].

Для сопровождения послов выбирались «добрые и оружные» стрельцы, которым «в службе ряд дошел». Каждый из них должен был иметь кроме пищали по рогатине, топору, порох и свинец. Сопровождение послов, надолго отрывавшее от хозяйства, считалось среди стрельцов нежелательной обязанностью. Поэтому они пытались освободиться от этой службы, посылая вместо себя детей, братьев, соседей и «наймитов», что резко осуждалось правительственными указами [21, с. 81]. Необходимо подчеркнуть, что «посольское провожание» прямо зависело от состояния русско-турецких отношений. В периоды их обострения подобной службы стрельцы не несли.

Большое место среди повинностей стрельцов занимало городовое дело. В первой трети XVII в. оно еще не было связано с их посылками в другие крепости. Ратные люди ремонтировали те города, в которых жили. Городовое дело дополнялось изготовлением речных судов – стругов. Накануне русско-польской войны 1632–1634 гг. на воронежских стрельцов распространялась весьма обременительная подводная повинность [22, с. 386].

В годы русско-польской войны 1632–1634 гг. сложная для русских войск ситуация привела к тому, что стрельцы из городов на Поле опять, как и в 1604 г., были посланы в район боевых действий. В декабре 1633 г. среди городовых стрельцов, направленных в Можайск и Калугу, находилось 100 воронежских и 50 лебедянских стрельцов [23, с. 542]. В следующем 1634 г. 300 воронежских стрельцов и казаков посылались в Вязьму и 50 в Трубчевск [24, л. 182, 187–188]. Дальние посылки, посольские подъемы, татарские набеги оказывали неблагоприятное воздействие на материальное положение воронежских стрельцов.

В годы крупного оборонительного строительства на юге России, начатого в 1635 г., стрельцы должны были не только защищать и укреплять свой город, но и строить и оборонять новые крепости [см., например: 25, л. 525–528]. В период русско-польской войны 1654–1667 гг. служба воронежских стрельцов носила традиционный характер. Как и прежде, они использовались для караулов и посылок, ремонта укреплений, строительства стругов [см., например: 26, л. 14;

27, л. 3]. Следует подчеркнуть, что в это время стрельцы выполняли воинские обязанности, как правило, на территории Воронежского края, и их служба в полной мере отвечала своему предназначению – защите города от вражеских нападений.

Положение изменилось в последней трети XVII в., когда арена военных действий русской армии против Крымского ханства и Турции переместилась далеко на юг. К этому периоду относятся попытки правительства повысить боеспособность воронежских стрельцов, изменить характер их службы. Первый опыт подобного рода был осуществлен летом 1670 г. в связи с Крестьянской войной под предводительством С. Т. Разина. Одновременно с увеличением численности стрельцов в Воронеже и Коротояке до 400 человек в каждом правительство предписало обучить их стрельбе и «всякому полковому строю». Указ датировался 17 июня 1670 г. 13, 21, 22 августа воевода отписал в Москву о выполнении указа [28, с. 110, 150]. Из Стрелецкого приказа в Воронеж и Коротояк было послано оружие и снаряжение, необходимое для полковой службы: по 400 мушкетов, барабаны, протазаны, бердыши и пики. Впервые за много лет воронежским и коротоякским стрельцам выплатили денежное жалование по рублю человеку [29, л. 15–16].

Упомянутые мероприятия правительства, предпринимаемые в экстренном порядке перед лицом реальной угрозы движения восставших вверх по реке Дон, имели цель укрепить ключевые в стратегическом отношении города. Они стояли в ряду других акций, таких как посылка московских стрельцов и солдат выборных полков в названные пункты, починка городских укреплений, запрещение взаимоотношений с Доном, задержка вышедших с Дона людей [30, с. 165, 166, 171, 172 и др.].

Перевод воронежских стрельцов на полковую службу не подкреплялся изменениями в материальном обеспечении ратных людей. Уже на следующий 1671 г. денежное жалование воронежским и коротоякским стрельцам не выплачивалось. Более того, новоприборные стрельцы не были обеспечены землей.

Это обстоятельство не замедлило сказаться в ходе привлечения воронежских и коротоякских стрельцов к военным действиям против турецких крепостей. 25 апреля 1673 г. из Воронежа под Азов направлялось русское войско под командованием И. С. Хитрово. В его составе находилось 133 стрельца из Воронежа и столько же из Коротояка [31, с. 82–83]. Назначенные в поход городовые стрельцы были вооружены соответственно мушкетами, пищалями, бердышами. Они передавались в ведение голов московских стрельцов [32, л. 3].

Новая нелегкая служба, надолго отрывавшая городовых стрельцов от хозяйства, вызывала их острое недовольство. Широко распространилось бегство из действующей армии. Уже в мае 1673 г. власти обнаружили в Воронеже 28 стрельцов, бежавших из похода. Их снова отправили в войско, а вокруг города устроили заставы [33, с. 87–88]. В 1675 г. воронежские стрельцы без разрешения командования по одному и небольшими группами возвратились домой [34, л. 2]. За этим последовало новое назначение под Азов. Только летом 1676 г. из низовьев Дона в город вернулось 76 воронежских стрельцов [35, л. 3–4; 36, л. 1].

В 1686 г. началась русско-турецкая война [37, с. 43–89]. В 1687 и 1689 гг. состоялись Первый и Второй Крымские походы. Для воронежских стрельцов Крымские походы обернулись ростом натуральных платежей и повинностей. Начиная с 1688 г. их использовали также для службы на реке Самаре – притоке Днепра. Здесь в 1688 г. был сооружен город Новобогородицк как опорная база Второго Крымского похода. Самарская служба воронежских стрельцов продолжалась и в 1690-х гг. [38, л. 10; 39, л. 1152; 40; 41, с. 325]. Кроме того, они находились в Батурине и Коломаке, в числе прочих в начале XVIII в. возводили крепость Таганрог [42, л. 10; 43, л. 1152; 44].

В начале 1690-х гг. правительство сделало еще одну попытку повысить боевую готовность воронежских стрельцов. Она была связана с назначением сюда в качестве стрелецкого и казачьего головы иноземца Ю. Шарфа. Подполковник солдатского строя, выходец из Пруссии Ю. Шарф в феврале 1691 г. получил наказ из Разрядного приказа. Видимо, решив использовать военный опыт иноземца, руководители этого ведомства дали ему поручение: научить воронежских стрельцов и казаков солдатскому строю.

6 мая 1691 г. Ю. Шарф принял дела и взялся за исполнение задания. Однако выполнить поручение Разряда ему не удалось. Стрельцов и казаков беспрестанно отвлекали от учения, направляя в дальние посылки. Служилые люди с неприязнью относились к иноземцу, который вопреки вековой традиции требовал от них выполнения военных упражнений. В сентябре 1692 г. воронежские стрельцы и казаки обратились к царю с челобитной об отзыве Ю. Шарфа. Они писали, что голова ведает их «по иноземным обычаям, чинит многие... налоги и грабеж насильной». В свою очередь Ю. Шарф в отписке в Разряд признал полную неудачу попытки обучить стрельцов и казаков солдатскому строю: «И они в два года учения не переняли». Принявший в мае 1693 г. дела у Ю. Шарфа новый голова С. Мальцев обнаружил в них полное запустение: ветхие знамена и барабаны, покосившуюся приказную избу и множество неразобранных бумаг [45, л. 32–48, 331–334].

Попытка повысить боевой потенциал воронежских стрельцов и казаков опять не удалась. Задуманные преобразования, как и прежде, не подкреплялись решительными изменениями в материальном обеспечении служилых людей.

Заметное влияние на службу воронежских стрельцов оказали Азовские походы 1695 и 1696 гг. и последующее Воронежское кораблестроение. В мае 1695 г. 100 воронежских стрельцов были посланы вниз по реке Дон для сопровождения продовольствия. Во время подготовки ко Второму Азовскому походу в конце 1695 – начале 1696 г. воронежские стрельцы стояли в караулах, собирали хлебные запасы, приводили в готовность к стрельбе пушки [46, л. 8, 11–12].

В течение 1697–1698 гг. часть воронежских стрельцов использовалась на корабельном строительстве, а с начале 1699 г. к этому делу привлекались все по списку стрельцы, их дети и другие родственники. Вместе с воронежскими стрельцами на верфях работали коротоякские, усманские, лебедянские стрельцы [41, с. 155–156, 325; 47, с. 65–66, 136, 143, 149]. В начале XVIII в. все служилые люди, занятые на верфях, назывались «работными людьми» [48, с. 81]. Труд на строительстве кораблей нивелировал все сословные различия между категориями служилых людей, приравнивал их к крестьянам и посадским людям.

Привлечение воронежских стрельцов в последней трети XVII в. к службе на значительном удалении от их городов ярко высветило недостатки этих формирований с военной точки зрения. Поэтому с конца столетия обозначилась тенденция превращения стрельцов и других ратных людей Черноземья в податную сословную группу.

Указ от 30 октября 1699 г. в отношении южнорусских служилых людей сформулировал новый принцип, в соответствии с которым допускалась замена службы платежом налогов. Еще дальше правительство пошло в указе от 6 ноября 1712 г. Этот нормативный акт прямо указывал на платеж налогов как на основную обязанность стрельцов, казаков, пушкарей, детей боярских, рейтар, солдат и драгун Азовской губернии. Служба этих лиц по названному указу являлась лишь дополнительной повинностью [49, с. 655–656; 50, с. 874].

В то же время полного освобождения стрельцов от служебных обязанностей в первые десятилетия XVIII в. не произошло. Здесь сказывались особенности военно-политической обстановки того исторического периода – продолжавшаяся Северная война, обострение отношений с Османской империей и Крымским ханством, возвращение Азова Турции после неудачного для России Прутского похода 1711 г.

Одной из оборонительных мер русского правительства стала организация ланд-милицейских полков, призванных защищать южнорусские города и уезды. Она осуществлялась в течение 1713 г. и позднее. Для службы в ланд-милиции набирались драгуны, солдаты, стрельцы, казаки, пушкари и их родственники в возрасте от 15 до 30 лет [51, л. 244–255; 52, л. 30].

Служба в ланд-милиции стала дополнительной повинностью стрельцов, которые к тому времени платили в пользу государства прямые налоги. Другими дополнительными обязанностями стрельцов являлись посылки и караулы, работа на Сокольских, Липских и Кузьминских железных заводах, починка городских укреплений [53, л. 92–94, 95–97].

Тот факт, что служба стрельцов в начале XVIII в. перестала считаться основной обязанностью, знаменовала собой близкое завершение их истории как отдельной социальной категории. Ведь именно воинские обязанности служили тем признаком, который выделял стрельцов в особый чин в государстве. После податной реформы Петра I воронежские стрельцы и их дети, наряду с представителями других служилых чинов юга России, влились в состав новой сословной группы однодворцев. При этом некоторое время в XVIII в. сохранялось наименование «однодворцы стрелецкой службы», но оно не было связано со специфическими ратными обязанностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никитин Н. И.* Служилые люди «по прибору» // История России : в 20 т. Т. 5: Россия в XVII веке. Кн. 1. Российское государство в первой половине XVII в. 1598–1645 гг. М., 2024.

2. *Газизов В. В.* Стрелецкое дворовладение в г. Коле в XVII веке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 25, № 4.

3. *Тхамокова И. Х.* Формирование и служба стрельцов Терского города в конце XVI – начале XVII в. // Исторический журнал : научные исследования. 2023. № 4.

4. *Иванов А. Г.* Козьмодемьянские стрельцы в годы Петровских преобразований // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2022. Т. 8, № 1.

5. *Рабинович Я. Н.* Служилые люди по прибору (стрельцы, пушкари, воротники) в левобережном Саратове // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер.: История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 2.

6. *Ракитин А. С.* Стрелецкий гарнизон г. Данкова в XVII – начале XVIII вв. : аспекты повседневности служилой корпорации // История : факты и символы. 2016. № 2 (7).

7. *Фролов Д. В.* «Саранские стрельцы, пятидесятники и десятники и все редовые…» // Novogardia. 2019. № 3.

8. *Молочников А. М.* Смоленские стрелецкие приказы и их руководители в Смутное время // История

военного дела : исследования и источники : в 11 т. 2012. Т. III.

9. Русская историческая библиотека : в 39 т. СПб., 1884. Т. 9.

10. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 853.

11. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1837.

12. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. 182. Оп. 1. Д. 74.

13. ГАВО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 38.

14. ГАВО. Ф. 182. Оп. 2. Д. 115.

15. ГАВО. Ф. 182. Оп. 3. Д. 496.

16. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. : в 2 ч. М., 1979. Ч. 2.

17. Акты Московского государства : в 3 т. СПб., 1890. Т. 1.

18. Дворцовые разряды : в 4 т. СПб., 1850. Т. 1.

19. Смета военных сил Московского государства на 1632 год / публ. Е. Сташевский // Военно-исторический вестник. Киев, 1910.

20. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 55.

21. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова : в 3 кн. Воронеж, 1851. Кн. 1.

22. *Сташевский Е.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913.

23. Русская историческая библиотека : в 39 т. СПб., 1884. Т. 9.

24. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 55.

25. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 85.

26. ГАВО. Ф. 182. Оп. 3. Д. 128.

27. ГАВО. Ф. 182. Оп. 3. Д. 148.

28. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова : в 3 кн. Воронеж, 1853. Кн. 3.

29. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 715.

30. Крестьянская война под предводительством Степана Разина : сборник документов : в 4 т. М., 1954. Т. 1.

31. *Загоровский В. П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980.

32. ГАВО. Ф. 182. Оп. 3. Д. 214.

33. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний : в 2 т. Воронеж, 1887. Т. 1.

34. ГАВО. Ф. 182. Оп. 3. Д. 352.

35. ГАВО. Ф. 182. Оп. 3. Д. 502.

36. ГАВО. Ф. 182. Оп. 3. Д. 402.

37. *Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М.* Русско-турецкая война 1686–1700 гг. М., 2022.

38. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1571.

39. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1596.

40. ГАВО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 56.

41. *Богословский М. М.* Петр I : материалы для биографии : в 5 т. М., 1946. Т. 3.

42. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1571.

43. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1596.

44. ГАВО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 59.

45. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1366.

46. ГАВО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 209.

47. Воронежские петровские акты. Воронеж, 1872.

48. *Лавринов Ю. М.* Работники воронежских верфей // Воронежский край на южных рубежах России (XVII–XVIII вв.). Воронеж, 1981.

49. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ) : в 45 т. СПб., 1830. Т. 3.

50. ПСЗ : в 45 т. СПб., 1830. Т. 4.

51. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 98.

52. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 296.

53. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 60.

REFERENCES

1. Nikitin N. I. Sluzhilyye lyudi «po priboru» [Chosen servicemen]. In: *Istoriya Rossii.* V 20 t. T. 5: Rossiya v XVII veke. Kn. 1 Rossiyskoye gosudarstvo v pervoy polovine XVII v. 1598–1645 gg. M., 2024.

2. Gazizov V. V. Streletskoye dvorovladeniye v g. Kole v XVII veke [Streltsy household in the city of Kola in the 17th century]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki.* 2025. T. 25, No. 4.

3. Tkhamokova I. Kh. Formirovaniye i sluzhba strel′tsov Terskogo goroda v kontse XVI – nachale XVII v [Formation and service of the streltsy of the Tersk city at the end of the XVI – beginning of the XVII century]. In: *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya.* 2023. No. 4.

4. Ivanov A. G. Koz′modem′yanskiye strel′tsy v gody Petrovskikh preobrazovaniy [Kozmodemyansk streltsy in the years of Peter the Great's transformations]. In: *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki. Yuridicheskiye nauki*. 2022. T. 8, No. 1.

5. Rabinovich Ya. N. Sluzhilyye lyudi po priboru (strel′tsy, pushkari, vorotniki) v levoberezhnom Saratove [Chosen servicemen (streltsy, gunners, gatekeepers) in left-bank Saratov]. In: *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2018. T. 18, vyp. 2.

6. Rakitin A. S. Streletskiy garnizon g. Dankova v XVII – nachale XVIII vv.: aspekty povsednevnosti sluzhiloy korporatsii [Streltsy garrison of Dankov in the XVII – early XVIII centuries: aspects of the daily life of the military corporation]. In: *Istoriya: fakty i simvoly.* 2016. No. 2 (7).

7. Frolov D.V. «Saranskiye strel′tsy, pyatidesyatniki i desyatniki i vse redovyye…» ["Saransk strletsy, pyatidesyatniks and desyatniks and all ordinary..."]. In: *Novogardia.* 2019. No. 3.

8. Molochnikov A. M. Smolenskiye streletskiye prikazy i ikh rukovoditeli v Smutnoye vremya [Smolensk streltsy prikazy and their leaders in the Time of Troubles]. In: *Istoriya voyennogo dela: issledovaniya i istochniki*. V 11 t. 2012. T. III.

9. Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian Historical Library]. V 39 t. SPb., 1884. T. 9.

10. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts (Hereinafter RGADA).]. F. 210. Op. 12. D. 853.

11. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 1837.

12. Gosudarstvennyy arkhiv Voronezhskoy oblasti [The State Archive of the Voronezh region. F. 182. Op. 1. D. 74.
13. GAVO. F. 182. Op. 1. D. 38.
14. GAVO. F. 182. Op. 2. D. 115.
15. GAVO. F. 182. Op. 3. D. 496.
16. Boyarskiye spiski posledney chetverti XVI – nachala XVII v i rospis′ russkogo voyska 1604 g. [Boyar lists of the last quarter of the XVI – early XVII century and the lists of the Russian army in 1604]. V 2 ch. M., 1979. Ch. 2.
17. Akty Moskovskogo gosudarstva [Acts of the Moscow state]. V 3 t. SPb., 1890. T. 1.
18. Dvortsovyye razryady [Palace ranks]. V 4 t. SPb., 1850. T. 1.
19. Smeta voyennykh sil Moskovskogo gosudarstva na 1632 god. Publ. E. Stashevskiy [Estimate of the military forces of the Moscow state for 1632]. In: *Voyenno-istoricheskiy vestnik*. Kiyev, 1910.
20. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 55.
21. Drevniye gramoty i drugiye pis′mennyye pamyatniki, kasayushchiyesya Voronezhskoy gubernii i chast′yu Azova [Ancient charters and other written sources concerning the Voronezh province and part of Azov]. V 3 kn. Voronezh, 1851. Kn. 1.
22. Stashevskiy E. Ocherki po istorii tsarstvovaniya Mikhaila Fedorovicha [Essays on the history of Mikhail Fedorovich's reign]. Kiyev, 1913.
23. Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian Historical Library]. V 39 t. SPb., 1884. T. 9.
24. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 55.
25. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 85.
26. GAVO. F. 182. Op. 3. D. 128.
27. GAVO. F. 182. Op. 3. D. 148.
28. Drevniye gramoty i drugiye pis′mennyye pamyatniki, kasayushchiyesya Voronezhskoy gubernii i chast′yu Azova [Ancient charters and other written sources concerning the Voronezh province and part of Azov]. V 3 kn. Voronezh, 1853. Kn. 3.
29. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 715.
30. Krest′yanskaya voyna pod predvoditel′stvom Stepana Razina. Sbornik dokumentov [The Peasant War led by Stepan Razin. Collection of documents]. V 4 t. M., 1954. T. 1.
31. Zagorovskiy V. P. Izyumskaya cherta [Izum line]. Voronezh, 1980.
32. GAVO. F. 182. Op. 3. D. 214.
33. Materialy dlya istorii Voronezhskoy i sosednikh guberniy [Materials for the history of Voronezh and neighboring provinces]. V 2 t. Voronezh, 1887. T. 1.
34. GAVO. F. 182. Op. 3. D. 352.
35. GAVO. F. 182. Op. 3. D. 502.
36. GAVO. F. 182. Op. 3. D. 402.
37. Gus′kov A. G., Kochegarov K. A., Shamin S. M. Russko-turetskaya voyna 1686–1700 gg. [The Russian-Turkish war of 1686–1700]. M., 2022.
38. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 1571.
39. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 1596.
40. GAVO. F. 182. Op. 1. D. 56.
41. Bogoslovskiy M. M. Petr I: Materialy dlya biografii [Peter I: Materials for biography.]. V 5 t. M., 1946. T. 3.
42. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 1571.
43. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 1596.
44. GAVO. F. 182. Op. 1. D. 59.
45. RGADA. F. 210. Op. 12. D. 1366.
46. GAVO. F. 182. Op. 1. D. 209.
47. Voronezhskiye petrovskiye akty [Voronezh acts of Peter]. Voronezh, 1872.
48. Lavrinov Yu. M. Rabotniki voronezhskikh verfey [Workers of Voronezh shipyards]. In: *Voronezhskiy kray na yuzhnykh rubezhakh Rossii (XVII–XVIII vv.)*. Voronezh, 1981.
49. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. V 45 t. SPb., 1830. T. 3.
50. PSZ. V 45 t. SPb., 1830. T. 4.
51. RGADA. F. 248. Op. 3. Kn. 98.
52. RGADA. F. 350. Op. 1. D. 296.
53. RGADA. F. 248. Op. 3. Kn. 60.

Воронежский государственный университет
Глазьев В. Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политической истории
E-mail: vng@main.vsu.ru

Поступила в редакцию 2 февраля 2026 г.
Принята к публикации 6 апреля 2026 г.

Для цитирования:
Глазьев В. Н. Воронежские стрельцы в XVII веке: особенности службы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2026. № 2. С. 56–61. DOI: https://doi.org/10.17308/history/1995-5480/2026/2/56-61

Voronezh State University
Glazjev V. N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Political History Department
E-mail: vng@main.vsu.ru

Received: 2 February 2026
Accepted: 6 April 2026

For citation:
Glazjev V. N. Voronezh streltsy in the 17th century: features of the service. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology.* 2026. No. 2. Pp. 56–61. DOI: https://doi.org/10.17308/history/1995-5480/2026/2/56-61